

**МАТЕРИАЛЫ БРАТСКОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА
О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В 1929–1930 ГГ.**

При раскрытии процесса реализации государственной политики в отношении крестьянства в 1920–30 гг. на микроуровне, большую ценность представляет распорядительная документация местных органов власти: резолюции, приказы, распоряжения, протоколы заседаний, собраний, переписка с вышестоящими органами власти. Наибольшей эффективности изучения делопроизводственных документов достигается при знакомстве со всем комплексом материалов, а такая возможность предоставляется лишь исключительно при исследовании архивных фондов.

В фондах архивного отдела Администрации города Братска хранятся документы, позволяющие более полно представить реальную ситуацию в деле проведения коллективизации и раскулачивания на территории Братского района. Значительную информационную ценность представляют материалы фонда Р-1 Исполнительного комитета Братского районного совета депутатов трудящихся, особенно протоколы заседаний членов ВКП(б) Братского райисполкома о ходе коллективизации в районе¹.

Массовая коллективизация в районе началась в феврале-марте 1930 г. На заседании фракции ЦК ВКП(б) Братского райисполкома от 29 декабря 1929 г. в повестке стоял вопрос «план коллективизации района в период ведения весенней посевной кампании». Заседание постановило: «Намеченный план коллективизации района в весеннюю посевкампанию с внесенными изменениями и дополнениями в размере 40 % к общему числу хозяйств утвердить. Для успешного выполнения намеченного плана колхозам мобилизовать все силы на проведение этой работы, организовать специальные бригады из членов бедноты, активистов и колхозников»².

В начальный период коллективизации преобладали коллективные хозяйства в форме коммун с максимальным обобществлением имущества вплоть до домашней утвари, что вызывало недовольство не только зажиточной части крестьянства, но и середняков, масс батрачества и бедноты. Затем коммуны были реорганизованы в сельхозартели. Из телеграммы Иркутского окружкома ВКП(б): «Подтверждаем, что основной тип колхоза – сельхозар-

тель с полным обобществлением средств производства»³. Однако и на таких условиях крепкие зажиточные «кулацкие» хозяйства не желали вступать в колхозы.

До начала сплошной коллективизации власть вынуждала идти в колхозы, лишая избирательных прав, повышая ставку единого сельскохозяйственного налога для единоличных хозяйств (к концу 1920-х гг. налогообложение индивидуальных хозяйств было увеличено в несколько раз), увеличивая норму обязательных поставок сельхозпродукции государству. Так, например, Масложивотноводсоюз Иркутского округа, проводя контрактацию молока по Братскому району, дал следующее задание: «4729 центнеров, из них колхозам – 739, единоличникам – 3990»⁴.

В фондах Братского городского архива содержатся значительные материалы по вопросам лишения избирательных прав и обложения индивидуальным налогом кулацких хозяйств: выписки из протоколов заседаний сельсоветов, сельских учетно-налоговых комиссий, заседаний групп бедноты, собраний ячеек ВКП(б), в которых рассматривались вопросы о выявлении кулацких хозяйств и привлечении их к налогу в индивидуальном порядке, а также заявления граждан в районные органы власти с просьбами восстановить в правах, освободить от уплаты индивидуального налога, и карточки обследования хозяйств граждан. Эти документы позволяют проследить ужесточение политики государства по отношению к зажиточному крестьянству и составить более полную характеристику хозяйств, причисляемых к кулацким.

С началом массовой форсированной и принудительной коллективизации был выдвинут лозунг «ликвидации кулачества как класса» с целью ускорить процесс создания коллективных хозяйств. Политбюро ЦК ВКП(б) постановлением от 30.01.1930 г. утвердило мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

В конце февраля 1930 г. в Братскую организацию ВКП(б) поступило распоряжение о раскулачивании. На заседании фракции ВКП(б) Братского райисполкома стоял вопрос «О практических вопросах по ликвидации кулачества как класса», по которому было принято следующее решение «...к практической работе по ликвидации кулачества приступить немедленно и закончить такую не позже 10 марта... особое внимание обратить на выявление кулацких хозяйств, так до настоящего времени не выявленных»⁵.

Процесс коллективизации в Братском районе можно проследить и на материалах переписки местных органов исполнительной власти с вышестоящими организациями по вопросам проведения коллективизации в районе⁶, которые, помимо прочего, позволяют проследить степень выполнения решений областных органов на местном уровне.

Эти документы дают возможность сделать вывод, о том, что, как и в целом по стране, раскулачивание в Братском районе проводилось исключительно насильственными административно-судебными мерами, допускались перегибы, часто затрагивались интересы середняков. В соответствии с Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30.01.1930 г. «высылаемым и расселяемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода»⁷. Однако, как и везде по округу, в Братском районе допускались искажения в реализации этого постановления, часто при конфискации отнимались и присваивались минимальные личные вещи, занижалась стоимость конфискованного имущества, изымались все запасы зерна, скот, дома, сельхозинвентарь, что фактически разоряло кулаков.

За 1929–1930 гг. в Братском районе было раскулачено 195 хозяйств⁸. Коллективизация набирала темпы.

Жесткие, а порой и жестокие меры, применяемые властями при проведении коллективизации и раскулачивания, вызывали недовольство крестьянства, что приводило к открытым выступлениям. В некоторых документах говорится об имевших место убийствах сельских активистов и крестьянских восстаниях. Так, в ходе восстания под руководством Серышева (деревня Дубынино Братского района), в котором участвовало 40 человек, повстанцы арестовали 8 комсомольцев и жестоко с ними расправились: загнали в р. Ангару, по которой шел лед, и расстреляли их на глазах односельчан⁹. Местное население зачастую поддерживало восставших, оказывало им помощь.

Делопроизводственные материалы местных архивов, безусловно, не могут претендовать на всеобъемлющую полноту сведений, раскрывающих реализацию политики советского государства в отношении деревни в 1920–1930-е гг. Серьезной проблемой при работе с данной группой источников является их разрознен-

ность и плохая сохранность части документов. Тем не менее, именно местные материалы помогают исследователю более ярко представить трагедию сибирского крестьянства в годы коллективизации и раскулачивания.

Примечания

1. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 5. Св. 1.
2. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 5. Св. 1. Л. 11.
3. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 79.
4. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 75.
5. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 5. Св. 1. Л. 18.
6. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 75–90.
7. www.vojnik.org/ussr/docs/4
8. *Ступак Г. Е.* Документы госархива г. Братска о репрессиях среди крестьян // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 107.
9. АОАГБ. Ф. Р-1. Оп. 4. Ед. хр. 282. Св. 8. Л. 27.

САВЧУК Н. В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Рассматривая социально-экологический конфликт как кризис отношений человека с окружающей природной средой, следует обратить внимание на причины, его порождающие, возможности предвидения и предотвращения экологических конфликтов в дальнейшем развитии общества.

В более ранние периоды истории человечество переживало подобные кризисы, в результате которых приходилось менять способы хозяйственной деятельности для преодоления возникающих противоречий. Но экологический кризис второй половины XX и начала XXI столетий не имеет аналогов в истории ни по динамике его развития, ни по масштабам. Прежде всего, он является следствием нравственного кризиса научно-технической цивилизации. Промышленная политика осуществлялась без учета того, что восстановительные способности природы не беспредельны, и без понимания зависимости качества жизни населения от состояния окружающей среды. В итоге, на 15 % территории современной России, где проживает основная часть населения (60 %), сосредоточены основные производственные мощности и наиболее